

АКТЕРЫ И РОЛИ

Это призрачное счастье

Народный артист РСФСР Ножери Чонишвили — Паскуале Лойяконо в спектакле Омского театра драмы «Призраки» (пьеса Эдуардо де Филиппо, постановка Леонида Шалова).

КОГДА Паскуале впервые появляется на сцене — с зонтом, тростью под мышкой, клеткой для птиц, ночным горшком и дьней, привязанной к пальцу за веревочку, — нас сразу покоряет его по-детски доверчивая улыбка.

В ремарке к этой сцене Эдуардо де Филиппо предлагает актеру другие краски: «...У него измученное лицо, может быть, потому, что он постоянно занят мыслями о том, как ему пожить поспокойнее». Ножери Чонишвили не спешит последовать авторской ремарке: он играет минуту, когда все заботы и сомнения забыты, и лицо Паскуале светится детским восторгом.

Еще бы! Ни за что ни про что, как манна небесная, на него свалилась удача: подвернулась квартира, целый этаж в старинном палаццо. Более того, за квартиру не надо платить ни дры. Одно только должен Паскуале — развеять дуриную славу дома и доказать соседям, что никаких призраков в нем нет.

С первого появления Паскуале Чонишвили берет нас в плен своей детской непосредственностью. Он и живет на сцене с той нерасчетливой тратой сил, на какую способен только ребенок. Все перепады настроений — на лице Паскуале: вот ему весело, грустно, страшно (может быть, у итальянцев и впрямь жилы наполнены шампанским?), и нужно видеть, с какой легкостью актер переходит из одного состояния в другое.

Впрочем, и в этой своей новой роли Чонишвили «узнаваем». Обаяние добра и света — характерное качество его творческой индивидуальности. (Особенно щедро этим качеством был наделен его Сирано де Бержерак). В роли Паскуале Лойяконо актер показал, насколько видоизменилось, развилось это свойство его артистической природы и продемонстрировал еще одну сторону своего дарования — обаяние комическое, способность заразить юмором зрительный зал.

Вместе с тем Чонишвили обладает той мерой вкуса и так-

та, которые позволяют ему избежать в игре фарсовой грубости.

Вот его встреча с «сумасшедшей» Кармелой. Дущераздирающий вопль, безумный взгляд женщины приводят Паскуале в ужас. Он, кажется, готов слиться со стеной, только бы уйти от наваждения. Горсть монет, которую он бросает безумной, — это и желание остановить кошмар, и инстинктивная реакция на голодный блеск глаз Кармелы, на ее убогую одежду и жалкую игру. Так возникает момент, когда смеш-

зрителей сменяется состраданием к человеческой боли, и зал замирает в тишине...

РАБОТА Чонишвили отличается точностью — перед нами не итальянец «вообще», а конкретный человек, конкретная судьба. Пожалуй, это итальянский вариант темы «маленького человека», столь глубоко разработанной русской литературой прошлого столетия. «В жизни я перепробовал все, брался за самую жалкую работу, был даже театральным антрепренером... Перепробовал все и не успел ни в чем. Я же-

нат и должен прокормить свою женушку и самого себя. Жизнь нелегка, и никто тебе не поможет или, лучше сказать, если кто и поможет, то только однажды, и то, чтоб потом укорять: «Я ведь тебе помог...». А после он с тобой попрощается, и разговор окончен. Поэтому лучше рассчитывать на свои собственные силы». У Паскуале — мечта. Он собирается меблировать квартиру и открыть в ней пансион, чтобы разбогатеть, и берется за дело со свойственной ему энергией. Для начала вдохновенно выбивает пыль на всех шестидесяти восьми балконах дома. Духом благополучия веет от Паскуале в начале второго акта. Дела идут на лад. Призраки его любят («Опи ко мне благосклонны!»), и он любит всех. Но корни силы и уверенности Паскуале — не в материальном благополучии: в лице призрака он обрел, наконец, друга.

Внимательно наблюдая за этим немолодым неудачником, которому неожиданно «повезло», мы долго не можем понять: действительно ли этот взрослый человек верит в призраков? Трудно ответить однозначно. То, что играет Чонишвили, можно было бы назвать: желание веры, испытание веры, судьба веры... Он, призванный уверить соседей в том, что наваждения нет, сам страстно хочет поверить в него.

Отношения Паскуале с призраком — очень интимны. Даже со своей женой Мари Паскуале никогда не откровенен до конца, и вера в призраков для него — единственная возможность уйти от одиночества. Призрак становится не только покровителем, но и другом, братом. Призраку он может открыть самые тайные закулисы своей души. Станный парадокс: то, о чем нельзя рассказать любимой, можно — первому встречному, даже если он незнаком...

Впервые пошатнется вера Паскуале — Н. Чонишвили в волшебство, когда в дом явится семья Альфредо — любовника Марии, свободно посещающего дом Паскуале под видом призрака. Обманутый в своих иллюзиях, Паскуале смотрит в любимое лицо жены и видит его как будто впервые. Все отенки поруганной веры — в лице актера: одиночество, отчаяние, боль... «Неправда! Призраков не существует, их выдумали мы сами, мы сами призраки...». Как разобжжены люди в жестоком современном западном мире! Будто этот мир — сам иллюзия и наваждение... «Он еще вернется», — тешит себя надеждой Паскуале, оставшись один в полупустом зале несостоявшегося пансионата.

ПОКА жив, человек верит, и никто не вправе отнять у него эту веру. «Остановись!» — кричит Паскуале «призраку», едва сдерживая рыдания. Пистолет дрожит в руках — Паскуале почти не владеет собой.

Последняя исповедь — наиболее сильная сцена Чонишвили в спектакле. В словах Паскуале — надежда, что перед ним действительно призрак, в глазах — мольба о продолжении обмана.

Совершить чудо — вот единственное, чем сейчас Альфредо может доказать, что он не человек, а призрак. От безумного смеха, с которым Паскуале принимает деньги из рук соперника, становится страшно. В этом смехе предельно уставшего от неудач маленького человека, смехе, направленном прямо в зал, — восторг безумца, спасшего свою веру. Актер, начинавший спектакль комедийно, поднимается до высот трагикомедии.

В «Призраках» Чонишвили отказывается от буквального прочтения текста и безотчетного следования режиссерскому замыслу. В образе, созданном им, столько достоверности, обаяния и силы, что это, безусловно, тот случай, когда актера можно назвать автором своей роли.

С. НАГНИБЕДА,
Фото Э. САВИНА.

